

ное значение для правильной квалификации: такой подход позволяет отграничить указанные преступления от соучастия и исключает возможность квалификации указанных деяний по совокупности с укрывательством, поскольку дополнительным обязательным объектом рассматриваемых деяний выступают интересы правосудия.

В юридической литературе, посвященной проблемам уголовного права, отмечается, что реализация норм института прикосновенности к преступлению содействует решению ряда задач: во-первых, приближает правоохранительные органы к познанию реального состояния преступности в стране, поскольку часть из них ориентирована на объективизацию криминологических показателей; во-вторых, повышает раскрываемость преступлений, обеспечивает более эффективную деятельность органов предварительного расследования; в-третьих, мобилизует граждан на борьбу с преступностью [3, с. 232]. В этой связи дальнейшее развитие института прикосновенности к преступлению представляется одной из самых важных и актуальных задач уголовного права на современном этапе.

1. Бушуев И.А. Ответственность за укрывательство преступлений и недоносительство. М. : Юрид. лит., 1985.
2. Баймурзин Г.И. Ответственность за прикосновенность к преступлению. Алма-Ата : Наука, 1968.
3. Макаров А.Д. Укрывательство преступлений и совершенствование уголовного законодательства // «Чер. дыры» в рос. законодательстве. 2004. № 1.
4. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л. : Изд-во ЛГУ, 1968.
5. Уголовное право : Часть Общая. Часть Особенная : учебник / под общ. ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина и С.В. Максимова. М. : Юриспруденция, 1999.
6. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : АО «ЦентрЮрИнфоР», 2001.
7. Виттенберг Г.Б. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву : учеб. пособие. Иркутск, 1976.
8. Хахимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент : Фан, 1982.
9. Коржанский Н.И. Ответственность за приобретение, хранение и сбыт имущества, добытого преступным путем. Волгоград, 1971.
10. Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1981.
11. Макаров А.Д. Институт прикосновенности к преступлению в современном зарубежном российском законодательствах // «Чер. дыры» в рос. законодательстве. 2003. № 4.
12. Суэтин А. Макроэкономические последствия отмывания денег // Вопр. экономики. 2001. № 10.
13. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010.
14. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. Минск : Тесей, 2002.

А.А. Примаченок, профессор кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Э.Ф. Мичулис, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧУО «Минский институт управления», кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь

ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

Нами не ставится задача участвовать в дискуссии о понятии, правовой природе и классификации принципов уголовного права. По этим вопросам высказаны различные точки зрения, мнения, иногда прямо противоположные, многими авторами, в частности А.Н. Трайниным [1], А.Б. Сахаровым [2], Н.И. Загородниковым [3], П.А. Фефеловым [4], Г.Б. Виттенбергом [5], Г.А. Кригером [6], В.Н. Кудрявцевым и С.Г. Келиной [7], Н.М. Кропачевым [8], А.И. Байцовым [9, с. 63–116], Э.А. Саркисовой [10], Н.А. Бабием [11, с. 13–16], В.М. Хомичем [12, с. 18–27]. Авторы настоящей статьи исходят из того, что принципы уголовного права – это основополагающие идеи, которыми должны руководствоваться законодатель, устанавливая уголовно-правовые нормы, и правоприменитель в процессе их практической реализации. Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть отдельные аспекты проявления принципов законности и справедливости применительно к проблемам установления и реализации уголовной ответственности должностных лиц за преступления против интересов службы.

Принципы законности и социальной справедливости, являясь общеправовыми, имеют решающее значение для уголовного законодательства и практики его применения. Составляя основополагающие начала, они определяют отправные руководящие идеи уголовно-правовой политики и стратегии противодействия преступности. Воздействие указанных принципов на законодательство и практическую деятельность по применению норм уголовного закона предопределяется спецификой их реализации. В соответствии с законами диалектики наибольший социальный эффект достигается при реализации этих

принципов взаимосогласованно, конгруэнтно и синхронно, когда они дополняют друг друга. Однако при этом надо иметь в виду, что их социальная роль неодинакова в законотворческой и правоприменительной практике.

Принцип законности доминирует относительно принципа социальной справедливости в правоприменительном процессе. Это и понятно. Принцип законности, как известно, прежде всего предполагает строгое соблюдение положений закона всеми, кто причастен к его применению. Абсолютным является требование «нет преступления, нет наказания без указания на то в законе» (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Законность предполагает и то, что совершенное деяние должно быть квалифицировано строго в соответствии с требованиями действующего закона. В законотворческой деятельности доминирует принцип социальной справедливости. При установлении уголовно-правовых норм законодатель, исходя из идеи справедливости, решает вопросы криминализации тех или иных деяний, установления конкретного вида и размера наказания за совершение указанных деяний. Что же касается принципа законности, то его проявление в законотворческом процессе имеет свои особенности. Законодатель в отличие от правоприменителя не ограничен конкретными нормативными требованиями. Его задача состоит в том, чтобы принять уголовный закон, который соответствует Конституции Республики Беларусь, общепризнанным принципам и нормам международного права и принятым Республикой Беларусь международными обязательствам.

Рассматриваемые принципы достаточно рельефно проявляются при криминализации нарушениями должностными лицами своих служебных обязанностей, совершении уголовно-правовых деяний о преступлениях против интересов службы и в ходе практического применения конкретных норм. Здесь наглядно видно, что недооценка данных принципов как в законотворческой, так и правоприменительной практике ведет к отрицательным социальным последствиям.

Обратимся к практике применения норм уголовного закона об ответственности за преступления против интересов службы. Здесь в полном соответствии с принципом законности органы уголовного преследования и суд привлекают лиц, совершивших такие преступления, к уголовной ответственности и определяют им наказания в пределах санкций ст. 424–433 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Но сказать, что во всех этих случаях назначенное законное наказание справедливо, нельзя.

Общеизвестно, что за получение взятки в размере 20–100 долларов США суды назначали наказание в виде лишения свободы сроком на три-четыре года с конфискацией имущества и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятель-

ностью. Примерно такое же наказание назначалось взяткополучателям, когда размер взятки исчислялся в тысячах долларов. Формально принцип законности здесь соблюден. Ведь санкция ч. 1 ст. 430 УК предусматривает в качестве альтернативного наказания лишение свободы на срок до семи лет. И более того, если лишение свободы предусмотрено альтернативно с ограничением свободы, то лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является обязательным. Что касается ч. 2 и 3 рассматриваемой статьи, то законодатель более строго ограничил пределы усмотрения суда при назначении наказания. Так, например, за получение взятки в указанном выше размере повторно ч. 2 ст. 430 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет с конфискацией имущества и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Таким образом, реализация судом принципа законности далеко не всегда позволяет в полной мере обеспечить принцип социальной справедливости при применении уголовного закона, хотя и имеются обстоятельства, в силу которых справедливым было бы более мягкое наказание. Суд в этой части ограничен волей законодателя, закрепленной в норме уголовного закона.

Изложенное выше показывает, что реализация принципа справедливости в сфере борьбы с преступностью в первую очередь должна осуществляться на уровне законодателя. Именно он должен создать предпосылки для того, чтобы суд, опираясь на принцип законности, максимально мог обеспечить справедливость вынесенного решения и назначенного наказания или иных мер уголовной ответственности. И неслучайно поэтому законодатель с момента принятия действующего УК неоднократно вносил изменения в санкции статей, предусматривающих ответственность за преступления против интересов службы. Одно из последних изменений даже свелось к тому, что были исключены части первые ст. 424 и 425 УК. В основе такого решения, безусловно, лежит забота законодателя о справедливости применяемых мер уголовно-правового характера за должностные злоупотребления и бездействие должностного лица при отсутствииотягчающих обстоятельств.

С принципом социальной справедливости тесно связаны вопросы отнесения законодателем тех или иных обстоятельств к квалифицирующим признакам составов преступлений против интересов службы, при наличии которых повышается общественная опасность совершенных преступлений и, естественно, увеличивается размер наказания. В рассматриваемом нами аспекте особого внимания заслуживает такой квалифицирующий признак, как совершение преступления должностным лицом, занимающим ответственное положение (части третьи ст. 424, 425, 426 и 430 УК). Безусловно, степень общественной опасно-

сти должностных злоупотреблений значительно возрастает, если они совершаются лицом, которое занимает ответственное должностное положение. Однако тут же встает вопрос: а какие должностные лица признаются занимающими ответственное положение? Ответ на него дается в ст. 4 УК.

В ч. 5 ст. 4 УК содержится перечень должностных лиц, которые законом отнесены к числу лиц, занимающих ответственное положение. Однако этот перечень нельзя признать безукоризненным, особенно применительно к должностям из сферы правоприменительной деятельности. В нем не в полной мере проведена дифференциация должностных лиц, исходя из их действительных полномочий. В приведенном перечне названы прокуроры, их заместители, судьи, начальники следственных подразделений и органов дознания, их заместители и следователи. Если объем властных полномочий и выполняемых функций в сфере правоприменительной деятельности, при защите прав и интересов граждан и государства у прокуроров всех уровней, их заместителей, начальников следственных подразделений и органов дознания и их заместителей действительно позволяет отнести их к должностным лицам, занимающим ответственное положение, то в отношении следователей это сказать вряд ли можно по следующим основаниям.

Во-первых, в соответствии со ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь следователь наделен правом ведения предварительного следствия, что фактически представляет собой подготовку дела к рассмотрению и разрешению судом. Согласно Конституции Республики Беларусь и УПК окончательное решение о признании лица виновным в совершении конкретного преступления и назначении наказания принимает только суд. Принятие судом такого решения, то есть вынесение приговора, как указано в ч. 4 ст. 286 УПК, может быть основано «лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном разбирательстве, а при сокращенном порядке судебного следствия – и на доказательствах, полученных при производстве предварительного расследования и не оспоренных в судебном заседании сторонами». Суд не связан с выводами предварительного расследования. Ошибки и возможные злоупотребления следователя по конкретному делу в большинстве случаев выявляются судом.

Во-вторых, уголовные дела с изъятиями следствия в принципе не должны доходить до суда. Уголовно-процессуальным законом установлен двойной контроль за всеми основными действиями следователя – со стороны непосредственного начальника – начальника следственного отдела (подразделения) и прокурора. Так, в соответствии со ст. 35 УПК начальник следственного подразделения (заместитель) должен осуще-

ствлять контроль за полным, всесторонним и объективным расследованием конкретного уголовного дела, своевременностью действий следователя, проверять все основные документы по делу, давать указания следователю и требовать их исполнения, при необходимости принимать непосредственное участие в проведении следственных действий. Этим не ограничивается ведомственный контроль за работой следователя. Сотрудники подразделений процессуального контроля не только оказывают помощь следователям в проведении следствия, но и выполняют определенные контрольные функции, выражающиеся в даче фактически обязательных для исполнения рекомендаций.

Самостоятельность начинающих следователей еще более ограничена. На должности следователей обычно назначают молодых специалистов после окончания соответствующих учебных заведений юридического профиля, не имеющих ни жизненного опыта, ни профессиональных умений и навыков. Их работа протекает под патронажем кураторов, которые не только оказывают помощь в разрешении конкретных вопросов, но и осуществляют контроль за деятельностью молодых следователей. И вряд ли можно утверждать, что эти сотрудники занимают ответственные должности.

В-третьих, наиболее важные, затрагивающие правоохраняемые интересы государства и граждан действия следователь может совершить только при наличии согласия прокурора, которое выражается в соответствующей санкции. К таким процессуальным действиям относятся: применение меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога; производство обыска, осмотр жилища; наложение ареста на имущество, почтово-телеграфные и иные отправления и их выемка; выемка документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну; прослушивание и запись ведущихся по техническим каналам связи и иных переговоров; эксгумация трупа; помещение подозреваемого или обвиняемого, не содержащегося под стражей, в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение; отстранение обвиняемого от должности. Кроме того, прокурор и его заместители вправе лично участвовать в производстве предварительного следствия, лично производить отдельные следственные действия, отменять незаконные и необоснованные постановления следователя, давать ему обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и иных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, разрешать отводы и самоотводы, жалобы на действия следователя, отстранять его при наличии предусмотренных законом оснований от производства предварительного расследования по конкретному делу. Более того, в ст. 34 УПК закреплено, что

именно прокурор от имени государства осуществляет уголовное преследование, проверяет полноту расследования перед тем, как направить уголовное дело в суд. Таким образом, провозглашенная процессуальная самостоятельность следователя относительна. Роль следователя в процессе предварительного расследования в значительной мере сводится к исполнению указаний прокурора и его заместителя (а также начальника следственного подразделения и его заместителя), которые законом отнесены к должностным лицам, занимающим ответственное положение. И вряд ли следователя по его правовому статусу можно сравнить с перечисленными выше должностными лицами.

Надзор и контроль за законностью профессиональной деятельности следователя осуществляют не только прокурор и его заместитель, но и помощники прокурора. Последние, обладая гораздо более весомыми полномочиями, чем следователь, не отнесены к должностным лицам, занимающим ответственное положение.

В-четвертых, рассматривая вопрос о месте должности следователя в иерархии должностей в системе правоприменительной деятельности, нельзя не учитывать опыт законодательного его регулирования в других странах. Так, Уголовный кодекс Республики Болгария в качестве квалифицирующего признака должностных преступлений предусматривает занятие лицом ответственного служебного положения (ч. 2 ст. 282). Однако в нем не раскрывается, какое служебное положение признается ответственным [13]. Этот вопрос решает суд, опираясь на другие нормативные акты и судебную практику.

Уголовный закон Латвийской Республики в качестве квалифицирующего признака рассматриваемых преступлений, в частности получения взятки, предусматривает занятие государственным должностным лицом ответственного положения. Однако к их числу относит только должностных лиц, которые действительно наделены большими полномочиями. В соответствии со ст. 316 этого закона государственными должностными лицами, занимающими ответственное положение, признаются Президент государства, депутаты Сазймы, президент министров, члены Кабинета министров, а также избранные, назначенные или утвержденные Сазймой и Кабинетом министров должностные лица государственных институций, руководители самоуправлений, их заместители и исполнительные директора [14].

В союзном с нами государстве – Российской Федерации рассматриваемый вопрос решается несколько по-иному. В Уголовном кодексе РФ в качестве квалифицирующего признака преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления признается занятие лицом государственной должности Российской Федерации или государственной

должности субъекта Российской Федерации. В соответствии с п. 2 и 3 примечания к ст. 285 УК РФ под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов, перечень которых определяется Реестром государственных должностей в Российской Федерации; под лицами, занимающими государственные должности субъектов Российской Федерации, – лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов [15].

Приведенные положения показывают, что и в законодательстве других государств ответственное положение должностного лица признается квалифицирующим признаком. Однако к их числу относят тех должностных лиц, которые наделены большими полномочиями, обладают правом на принятие самостоятельных решений.

Обобщая изложенное выше, можно сделать определенные выводы и высказать некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства нашей страны.

1. Принципы законности и социальной справедливости как основополагающие, руководящие идеи, пронизывая все сферы борьбы с преступностью, по-разному проявляются в каждой из этих сфер. Если принцип законности является приоритетным в сфере правоприменения, то принцип социальной справедливости во многом обуславливает законотворческую деятельность. Законодатель должен не только принять уголовные законы, которые отвечают идее справедливости, но и закрепить в них такой механизм, который в процессе правоприменения позволит суду законно назначать действительно справедливые наказания либо применять иные меры уголовной ответственности к лицам, нарушившим требования закона.

2. Анализ действующих норм уголовного закона об ответственности за преступления против интересов службы с позиции принципов законности и справедливости показывает, что законодателю следует еще раз вернуться к проблеме дифференциации наказания за указанные преступления. Сегодня не всегда назначенное судом в полном соответствии с санкцией конкретной статьи УК наказание можно признать справедливым. Следовало бы исключить обязательные дополнительные наказания в виде конфискации имущества, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и предусмотреть их как возможные. Это позволило бы суду назначать наказание более избирательно, другими словами, при пол-

ном соблюдении требований законности реализовать идею справедливости в процессе применения мер государственного принуждения.

В интересах создания предпосылок для вынесения судом законного и справедливого наказания за получение взятки следовало бы в ст. 430 УК дифференцировать наказание в зависимости от размера полученной взятки, предусмотрев менее строгую ответственность за получение взятки в небольшом размере.

3. Принцип справедливости предполагает не только установление законодателем справедливого наказания за преступления против интересов службы, но и определение квалифицирующих признаков, при наличии которых предусматривается повышенная ответственность. К числу таких признаков действующим Уголовным кодексом, в частности, отнесено совершение преступления должностным лицом, занимающим ответственное положение. Содержащийся в ч. 5 ст. 4 УК перечень таких должностных лиц не является бесспорным. Включение в него следователя вряд ли оправданно. Его правовое положение не дает таких оснований. В связи с этим следовало бы внести изменения в ст. 4 УК, исключив из перечня должностных лиц, занимающих ответственное положение, следователя.

1. Трайнин А.Н. Основные принципы социалистического уголовного права // Совет. государство и право. 1947. № 10. С. 63–77.

2. Сахаров А.Б. О принципах социалистического уголовного права // Правоведение. 1969. № 4. С. 59–61.

3. Загородников Н.И. Принципы советского социалистического права // Совет. государство и право. 1966. № 5. С. 65–74.

4. Фелелов П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970.

5. Виттенберг Г.Б. Развитие основных принципов уголовного права в новом Уголовном кодексе РСФСР // Правоведение. 1962. № 4. С. 88–95.

6. Кригер Г.А. Место принципов советского уголовного права в системе принципов права // Совет. государство и право. 1981. № 2. С. 103–105.

7. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.

8. Кропачев Н.М. Принципы применения мер ответственности за преступления // Правоведение. 1990. № 6. С. 71–74.

9. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006.

10. Саркисова Э.А. Гуманизм в советском уголовном праве. Минск, 1969.

11. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие. Минск, 2006.

12. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Хомича. Минск, 2002.

13. Уголовный кодекс Республики Болгария / пер. с болг. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова. Минск, 2000.

14. Уголовный кодекс Латвийской Республики : принят 8 июля 1998 г. : введен в действие с 1 апр. 1999 г. : с изм. и доп. на 1 авг. 2001 г. / науч. редактирование А.И. Лукашова, Э.А. Саркисовой ; пер. с латыш. А.И. Лукашова. СПб., 2001.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2006.

В.В. Мороз, профессор кафедры уголовного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

КОРРУПЦИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БОРЬБЫ С НЕЙ

Коррупция – явление, которое стало предметом широкого общественного обсуждения еще в доперестроечные годы, в первой половине 80-х гг. XX в. Поводом послужили громкие дела, которые расследовали следователи прокуратуры Т. Гдлян и А. Иванов. Конечно, это не означает, что до данного момента коррупции в СССР не существовало; специалистам (как практикам, так и ученым) хорошо были известны многочисленные факты злоупотреблений со стороны метко названных «перерожденцами» партийных и советских чиновников. Однако вслух было принято говорить о том, что коррупция присуща лишь капиталистическим странам.

Когда же в результате очередных экспериментов вождей над собственным народом во второй половине 80-х гг. XX в. страну потрясли невиданные катаклизмы и здравомыслящим людям стало понятно, что это чревато полным распадом государственности не только СССР, возникла объективная необходимость познания генезиса, сущности, признаков наиболее опасных социальных явлений и основных способов противодействия им. Среди многих таких явлений особое место занимает коррупция. Она стала объектом научного познания для тысяч исследователей; в десятках и сотнях работ самого различного вида и уровня предпринимаются попытки раскрыть те или иные аспекты коррупции и предложить меры противодействия ей. Правда, необходимо отметить значительную долю пессимизма относительно самой возможности не только победить это безусловное зло, но и поставить его под контроль в какой бы то ни было мере.

Распространенность коррупции в мире и ее существование в течение многих веков приводит к идее о том, что она органически присуща любому государственному механизму. Отсюда следует логический вывод: поскольку коррупция укоренена в самой сути государства, постольку она неискоренима, поэтому целью борьбы с коррупцией является не ее искоренение, а всего лишь минимизация ее последствий. Очевидно, что такой методологический подход наиболее выгоден для самих коррупционеров. Можно предположить, что его лоббирование публичным должностным лицом может быть косвенным признаком заинтересованности последнего в отсутствии наступательной, активной, целенаправленной, действительной и действенной борьбы с коррупцией, а следовательно указывать на его коррумпированность.